

В ТРИДЦАТЫЕ годы одной из наиболее заметных фигур в Воронеже был крупный общественный деятель Варейкис. Его часто можно было встретить на главной улице, проспекте Революции, по дороге в обком, куда он направлялся на работу каждое утро. В кожанке и кожаной же фуражке, в военных сапогах и брюках-галифе он был как бы типичным человеком времени. Но за этой традиционной «революционной» внешностью скрывалась тонкая, деликатная душа, жила особая духовность.

Он очень любил литературу и театр. Часто собирал воронежских писателей, таких, к примеру, как М. Подобедов, М. Булавин, Л. Лагин, М. Прудовский, Л. Плоткин, О. Кретова, Н. Задонский, и беседовал с ними — не приказно, не требуя от них каких-либо определенных тем, а просто, выясняя их заботы, спрашивал, чем мог бы быть им полезным. Нередко бывал Варейкис и в театре, который назывался тогда Большим Советским; в филармонии, где был отличный симфонический оркестр, — около восьмидесяти человек музыкантов и известный всей стране дирижер А. Гаук. По инициативе Варейкиса в городе была создана и первая художественная выставка. Предложил он организовать и городской художественный музей, который стал по существу его детищем. Музею был отдан прекрасный старинный особняк, а первым директором этого музея стал молодой тогда художник Евгений Востоков.

Но, быть может, главное, о чем стоит сказать, так это то, что при Варейкисе сравнительно по-человечески, без ощущения ослепки, жил и работал Осип Мандельштам, в силу известных теперь трагических обстоятельств оказавшийся в то время в Воронеже.

Я хорошо помню Мандельштама воронежского периода. Милый, простой в обращении человек, хорошо сошедшийся с писательской средой, много рассказывавший о Ленинграде и Москве. С ним постоянно бывала его жена, которую он всегда ласково называл Наденькой. Она никогда не мешала ему: не перебивала, не вставляла своих слов, не одергивала. Он был главный, и она все время давала это чувствовать — с вами говорит замечательный человек, крупнейший талант, ему не надо никаких чужих сопровождений, чужой «разговорной» помощи. Рядом с чрезвычайно болтливыми, несумеренно кокетливыми женами многих и многих интересных людей, которые то и дело показывали, что главные в семейном дуэте — они, манера поведения жены Мандельштама была в высшей степени интеллигентной, бережной, как бы оттенявшей его значительность.

Я часто встречал их обоих в саду так называемого «Семейного собрания», на веранде в кафе. И хотя знал, конечно, не до конца все страшные обстоятельства его жизни, но ни разу не почувствовал какой-либо скованности или трагического ощущения в его манере держаться. И позволю себе высказать предположение, что помогала этому позиция «идеологического» хозяина города Варейкиса — человека интеллигентного, понимающего, с кем он имеет дело, пытавшегося окружить Мандельштама какой-то особой атмосферой доброжелательности и уважения.

Писательский Воронеж был в те годы вообще очень колоритным. Рядом с Мандельштамом часто появлялся живший там тогда А. Мариенгоф, уже знаменитый автор «Романа без вранья». Это был по тем временам денди, с котелком, чуть сдвинутым на затылок, с тростью, тянувший шампанское через соломинку. Да еще к тому же друг Есенина, да к тому же прекрасно декламировавший свои и чужие стихи, да к тому же муж прекрасной актрисы Некритиной. Все это создавало ему своеобразный ореол. И потом, когда мы уже встречались с ним в Москве, то часто вспоминали те незабываемые воронежские дни.

Именно в Воронеже я в свое время встретился и с Маяковским. Меня как-то попросили зайти за ним в гостиницу «Бристоль», чтобы проводить его в Большой Советский театр, где он должен был выступать. О Маяковском интересно все. Поэтому вспомню и такую, маленькую, чисто бытовую деталь.

Когда я вошел в номер, а это уже было поздно вечером, Маяковский кончал бриться. Почему-то меня это поразило: ведь бреются утром, — и я спросил его об этом. Теперь мне самому смешно — впервые увидев Маяковского, спросить его: почему он бреется вечером. Но Маяковский не рассмеялся, а серьезно ответил: «В день выступления я бреюсь дважды. Ведь каждое выступление — это событие. Это встреча с тысячами глаз. И человек, вышедший на эстраду, должен быть безупречен не только в том, о чем

Владимир Федорович Пименов родился в 1905 году. Известнейший театральный критик, человек, чья жизнь накрепко связана с отечественной культурой. Много лет работал в театре, был начальником отдела искусств Воронежского облисполкома, директором Академического театра имени Евг. Вахтангова, начальником Главного управления театров Комитета по делам искусств СССР, главным редактором журнала «Театр», ректором Литературного института имени А. М. Горького. Профессор, автор многочисленных работ о советском театре и драматургии. Сегодня патриарх театроведения делится своими воспоминаниями о встречах с личностями, которые в свое время занимали видное место на иерархической лестнице советской государственности, об их отношении к искусству и культуре. Жуков и Варейкис, Ворошилов и Андреева... Об их влиянии на судьбы Отечества можно много размышлять и спорить. Но конкретные эпизоды, повествующие об отношении этих людей к художественному творчеству, всегда, а сейчас в особенности, представляют огромный интерес.

Владимир ПИМЕНОВ

ПОЭТЫ, АКТЕРЫ И... МАРШАЛЫ

Г. К. Жуков на отдыхе.

он говорит, но и внешне. Выступающий уже артист».

На вечере, о котором я рассказываю, был воронежский профессор, некто Самбикин, предпочитавший классическую поэзию и очень не любивший Маяковского. Не дождавшись конца выступления поэта, он, пробираясь между рядами, устремился к выходу. «Ах, какой вы из ряда вон выходящий!» — быстро откликнулся Маяковский. Под общий смех в зале профессор, уже согнувшись, не шел — бежал к спасительным дверям...

Впоследствии Варейкис был отозван из Воронежа. Провожая его, люди вышли на улицу. Был заполнен не только проспект Революции, но и все прилегающие к нему переулочки: расставались с любимым, уважаемым человеком. Он сказал на проща-

ние несколько слов, как всегда, теплых и человеческих, пожелал успехов воронежцам. А потом... потом судьба Варейкиса оборвалась, как и у многих-многих других, — в 1937 году. Как странно, как трагически странно! Годы рождения у разных людей разные, год гибели — один. 1937-й. Какая символическая игра цифр, за которой — ужас!

ЭТО было вскоре после войны. Я оказался в Сочи на спектакле гастролировавшего там Киевского театра имени Леси Украинки «Сестры» А. Толстого — инсценировке «Хожения по мукам». Рядом со мной сидел представительный

мужчина в гражданском костюме. В полумраке зала он иногда шепотом спрашивал меня, внимательно вглядываясь в программку, о спектакле, об актерах, а заняты были выдающиеся художники — Романов, Лавров, Белоусов, Халатов, Смирнова. Я тихонько рассказывал о них соседю по партеру.

Когда дали свет, я внимательно посмотрел на него, и что-то показалось мне неувелимо знакомым. Плотный, невысокого роста, с крепким, мужественным лицом.

Темно-синий пиджак наброшен на плечи... За кулисами, встретившись с режиссером Гонтарем, я делился с ним своим впечатлением о спектакле. Но он взволнованно прервал меня:

— Ну а как Георгий Константинович? Понравилось ли ему?

— О ком вы? — удивленно спросил я.

— Да как же, ведь рядом с вами сидит маршал Жуков!

Вернувшись на свое место, я представился, представился и он, и мы уже говорили как знакомые. За те несколько секунд, пока еще не открылся занавес, Жуков снова самым подробным образом расспрашивал о театре, актерах и репертуаре, о театральной жизни. Его живо интересовало все — вплоть до организационных проблем. Спектакль ему понравился, и он сделал даже одно характерное замечание: актеры в военных костюмах чувствуют себя не зажато, не бутафорски, хорошо, что они умеют носить их ловко и непринужденно.

Когда спектакль кончился, Георгий Константинович поблагодарил меня за предоставленную ему информацию и, не пройдя за кулисы, ушел из театра. И хотя режиссер Гонтарь ждал его появления, чтобы из первых уст выслушать мнение столь важного гостя, мне пришлось это сделать за него. Я передал Гонтарю мнение Жукова.

Казалось бы, мимолетная встреча, не отличающаяся ничем особо знаменательным. И все же какое-то представление об этом человеке у меня осталось. И первое, что он был в штатском. Как, видно, не хотелось Георгию Константиновичу «подавлять» зал великолепием роскошного парадного мундира высшего военачальника. Кстати сказать, на Западе, или, как теперь говорят, в цивилизованных странах, военные редко носят в условиях нормальной мирной жизни форму, поскольку форма как-то, хоть немного, отъединяет человека от массы.

Во-вторых, это глубокий интерес военного человека к искусству, к театру — крепкая и давняя традиция России. Стоит только прочесть Толстого, Чехова, Куприна, чтобы понять, что русская армия — цвет интеллигенции, что именно в ней в разные времена сосредоточивались и духовность, и свободолюбие, и стремление защищать подлинные идеалы человечества.

И, наконец, третье — то, что Г. К. Жуков не пошел за кулисы высказывать свое мнение создателям спектакля. Чисто театрально, так сказать, цехово, это могло быть воспринято как высокомерие. Но если говорить с других, более серьезных позиций, его мнение (особенно тогда) могло быть воспринято как директива, как указание или приказание. И здесь он решил остаться тем скромным зрителем, который рассказывает о своих впечатлениях друзьям и знакомым, но не тем, для кого его слово может стать решающим.

Так и остался у меня в памяти этот сильный, «штатский» человек среди многотрудной и во многом трагической своей жизни, ненадолго погрузившийся в высокую духовность искусства.

РАЗНЫЕ нелепости, казусы и несообразности бывали на пути нашей культуры. Но уж когда заместителем председателя Совета министров по культуре и председателем бюро культуры при Совете министров стал Климент Ворошилов, «культурный абсурд» достиг предела.

